

Современное состояние изучения творчества Б.К. Зайцева

Обычно, когда речь заходит о творчестве Б.К.Зайцева, особенно в последнее время, делают упор на его религиозной составляющей, характеризуемой чаще всего следующими словосочетаниями: «сердечное созерцание», «совестная воля», «верующая мысль», «доверительное думанье». Все это верно, но оставляет в тени моменты, не в меньшей степени присущие писателю.

Например, историзм его мышления. Кажется, что к Зайцеву вообще неприменимо это слово: ни тогда, когда он заглядывал в мифологические глубины вечности, как в своих вещах раннего мистического периода, ни когда обратился к религиозному постижению основ мироздания. Но представляется невозможным уловить специфику построения национальной модели мира, какой она возникает под пером Зайцева, не обращая внимания на тончайшие переходы в образном системе его произведений, соединяющие историческое, национальное и религиозное бытие. Думается, что стоит более подробно поговорить о специфике историзма Зайцева, тем более, что Ф.Степун обнаруживал в его мировосприятии апелляцию к сверхисторической силе, роднящую писателя с Блоком и Андреевым.

Историзм может стать «удобным» ключом для расшифровки зайцевских текстов ретроспективного характера, которые обычно рассматриваются в кругу главным образом мемориальных свидетельств, его следует применять и к анализу публицистических текстов писателя. Публицист не может существовать без исторического мышления. А у Зайцева оно налицо и в рассказе-реконструкции прошлого «Улица Св. Николая», и в случае обращения к феномену Сергия Радонежского, когда писатель размышляет над поведением человека в ситуации исторического слома.

Настало время и поразмышлять над исторической концепцией писателя - хотя бы в самых общих чертах. Ведь есть же у него и осмысление места во времени, в истории не только своего собственного, но и поколения «отцов» и поколения «детей».

Возможно, что в связи с явной недооценкой историзма мышления Зайцева находится очень и невысокая оценка политических взглядов писателя. Да, действительно, Зайцев всегда подчеркивал свое равнодушие к политике, свою отрешенность от нее. Но это отнюдь не значит, что у него не было своего взгляда на политические проблемы, тем более, что иногда он все же в них «вглядывался» и тогда высказывал иногда очень «неточные», как нам кажется, соображения (например, о недопустимом преувеличении «веса» национальных литератур в

общей массе советской литературы и в соотношении с русской, в частности, что нашло место в рецензии Зайцева на Краткую Литературную энциклопедию). Но нередко он же весьма «политически профессионально» рассуждал: например, об идее «Единой Италии». Вообще следует отметить особую сложность оценки политической программы художника. Где критерий, эталон? Ведь восприятие ее «прогрессивности», консерватизма, прозорливости ее создателя и т.п. целиком зависит от наших собственных политических взглядов, политической ориентации.

Необходимо более внимательное отношение к психологии личности создателя выдающихся произведений литературы первой половины XX века. В данном случае имеются в виду те качества Б.К.Зайцева, которые характеризуют его как человека, в первую очередь, и которые, к тому же, весьма своеобразно отражаются и преломляются в его творчестве. Это, несомненно, поразительное умение дружить, быть нежным, преданным, надежным и верным другом. Широко известно, что под именем Алексея Петровича Христофорова вывел он в повести «Голубая звезда» (1918) своего друга, единомышленника, соратника по творческому цеху – поэта, прозаика, драматурга Ивана Алексеевича Новикова. С конкретного человека «срисовал» он облик идеального героя – доброго, кроткого, осененного благодатью Всевышнего, умеющего все принимать безропотно и благословляющего все, ниспосланное ему. От Алексея Петровича Христофорова исходит свет, озаряющий все вокруг, он дарит любовь и прощение – недаром фамилия его расшифровывается как «носящий в себе Христа», напоминает о том преображении, которое может, как и Христос на Фаворе, достичь человек. Новикову Зайцев посвятил и рассказ «Душа» (1921), повествование об одном осеннем дне, проведенном двумя друзьями вместе в разоренной революцией усадьбе, о пришедшем неожиданно среди бурь и гроз спокойствию, о сохранении наперекор всему происходящему душевного равновесия, о возвышающем и сберегающем душу чувстве всепрятия и бесцельности. О полном слиянии душ, полном взаимопонимании двух писателей говорит концовка рассказа: «Мы стоим. Смотрим, слушаем, два призрака, два чудака в пустынях жизни»¹.

Последний раз возникнет Христофоров-Новиков в рассказе Зайцева «Странное путешествие» (1926), который заканчивается смертью главного героя зимой, по-видимому, восемнадцатого или девятнадцатого года. Теперь герою дано совсем прозрачное имя-отчество, перевертыш от реального - Алексей Иванович. И его гибель во имя спасения другого, и его желание перед смертью передать восемнадцатилетнему Ване, будущему «инструктору физической культуры», «красноармейцу» или «купцу», т.е. реальному «деятелю» новой эпохи неустанный поиск истины – воспринимается читателем как восхождение на Голгофу истории. Так «символически» похоронил Зайцев своего самого близкого друга, оставшегося в мятежной